

Владимир Мищенко

Переменная константа

сразу две книги

Владимир Мищенко

Переменная константа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48670603

SelfPub; 2019

Аннотация

Тяжело, когда ты попаданец. Значительно легче, если с тобой ещё пара крепких парней. Но плохо, когда прицепом с ними попадает ещё один, но очень нехороший человек. Он сам не живёт и другим не даёт. Осада замка, стрельба, погони – как без этого настоящим героям.

Это была его обычная, стандартная ночь. Накануне, между восемью и девятью часами вечера он накапал себе тридцать с небольшим капель валосердина и, уповая на фенотбарбитал, попытался уснуть. Обычно это случалось ближе к одиннадцати для того, чтобы уже в час – час пятнадцать ночи проснуться с мыслью, что надеяться на сон бесполезно. Подтянул к себе лежащий справа на софе ноутбук, вошёл в интернет, почитал ленту новостей, изредка оставляя замечания и отзывы, потом, кликнув кнопкой, открыл электронную книгу и начал читать. За окном день уже полностью вошёл в свои права, когда он, коротко зевнув, потёр уставшие глаза, кликнув кнопкой, спрятал текст. Поднялся, достал из холодильника «Таурин», которым пользовался скоро уже двадцать лет, с тех пор, как ему поставили диагноз лучевая катаракта, и закапал в глаза. Жизнь теперь у него была мирная, спокойная и, по правде говоря, счастливая. Но она завершалась. Собственно, чего ещё желать шестидесятилетнему пенсионеру. На пенсии он был чуть больше двенадцати лет. По инвалидности. Мельком взглянул на часы – семь сорок пять. В распахнутое окно потихоньку вползала духота. Сложив простынь в четверо, накинул на глаза, и сделал ещё одну попытку заснуть. Иногда помогало. К его радости помогло и сегодня. Обычно, сны ему не снились, и лишь перед самым пробуждением проскакивал какой-то сюжет. Этот сон не стал исключением. На этот раз он стал зрителем какого-то

широкоэкранный, широкоформатный, как было в новинку во времена его детства, фильма. Точнее – во весь экран показывали чьи-то ноги от колен и ниже. Судя по обуви – мужчина. Эти ноги шли. Просто шли. Без всякого смысла. По какой-то асфальтированной дорожке, по бокам – подстриженная зелёная травка. В левой руке, видна была только кисть, мужчина двумя пальцами сжимал ухо пушистого персикового цвета зайца. Через какое-то время пальцы руки пришли в движение и плотно обхватили заячью голову. И на фоне тёмной руки стала заметна пульсация красной точки. Мина? Смертник? Смертник или всё же где-то оставит игрушку, а сам уйдёт? Но он этого не узнал, т.к. боль в протезе пробудила его. Уставший, покрытый липким противным потом, он отправился в душ. Это было одно из его любимых мест, где, стоя под прохладным водопадом, он получал облегчение от боли, от хронического недосыпания, от недовольства жизнью. После душа он никогда не обтирался, продолжая удовольствие свежести. Съев, разогретый в микроволновке завтрак, задумался над традиционным вопросом «что делать?». Из окна в распахнутую комнатную дверь слегка просачивался освежающий сквознячок. Прогуляться, пока жара полностью не подавила все желания. Тенниска, футболка с коротким рукавом, лёгкие парусиновые брюки и мокасины. Ключ от квартиры в кармане. Что ещё нужно пенсионеру.

Естественно, все прогулочные дороги ведут в парк, лес или их имитацию. Тем более, полу культурный парк был в

пяти минутах ходьбы. Для нормальных людей это было далеко не утро, поэтому много мам с детишками гуляли под тенью деревьев. Точнее, сегодня они стояли в тени огромной ивы. Какая-то VIP-персона стояла в центре небольшой толпы, и пыталась показать какая она хорошая. Персона была действительно выпястая, потому как два бодигарда прогуливались вокруг них, добросовестно отработывая свои зарплаты. Народу вокруг персоны было много и пробраться поближе, чтобы задать свой вопрос, вечно недовольного пенсионера, было проблематично. Он остановился неподалёку и прислонился к берёзе, давая отдых ногам, точнее, своим протезам, и, заодно, вроде бы как незаметно, пытаясь подпитать её жизненной силой, как написано в аюрведе. Пока ласково светило солнце, легкий ветерок, кокетливо улыбающиеся мамы, одинокий папаша, очевидно идущий к жене и ребёнку, несущий в руке пушистого зайца персикового цвета. Полная идиллия земного рая.

Но на то и пенсионеры – вечно всем недовольны. Так и у него что-то засквербило внутри, вытесняя покой и создавая ощущение тревоги. И это ощущение росло. Его вдруг осенило. Он ещё не понял, что же он понял, а его ноги уже несли навстречу этому одинокому путнику. Несли – громко сказано. И он это понимал. Раскачиваясь, как утка, хватая ртом воздух, он спешил остановить трагедию. Перед его глазами за долю секунды промелькнул утренний сон. Чем всё закончилось во сне, он не знал, но чем закончится всё здесь,

догадаться было не трудно. Воздух с хрипом вырывался из его лёгких, мешая крикнуть и предупредить. Единственное, что он догадался сделать, – протянул руку, показывая пальцем на мужчину. Неожиданное движение привлекло внимание телохранителей, а конкретно направленная рука, в конце – концов, обратила их внимание на террориста. Преступники тоже люди, и им свойственны слабости, – у него не выдержали нервы. Он побежал, удобнее захватывая для броска свою ношу. Надо было быть идиотом, чтобы теперь не понять, что произойдёт в ближайшие секунды. Но бодигарды не подвели. Только немного опоздали. Преступник успел замахнуться, как две пули, ударив его в грудную клетку, швырнули на землю. Заяц, слегка задержанный рукой, изменил траекторию и взлетел вверх. Пенсионер и оба телохранителя по-прежнему бежали к нему. Земное тяготение ещё не было отменено, поэтому заяц, совершив пару кувырков в воздухе, всё-таки упал на землю. Грибоподобный взрыв поднялся выше деревьев. Земля вздрогнула. В ближайших домах посыпались стёкла. Огненный смерч приподнял четыре тела, разорвал их на куски и бросил вниз, аккуратно, при этом, захватив четыре туманоподобных сгустка, и унося их сначала к облакам, а потом ещё дальше, куда-то к звёздам.

Этот энергетический корабль с четырьмя членами экипажа неожиданным метеоритом ворвался в атмосферу какой-то планеты, и, наткнувшись на верхушку высокого дерева, лопнул, разбросав в разные стороны шары экипажа. Был бы там

любопытный сторонний наблюдатель, он бы увидел на земле четыре полупрозрачных сгустка, разнесённых между собой на много сотен метров. Сгустки потихоньку растекались по земле, ещё более уподобляясь туману. Достигнув длины человеческого роста, стабилизировались и начали уплотняться по консистенции. К концу второго дня это были характерные приведения из земных фильмов-ужасов. К концу третьего дня на земле лежали люди из плоти и крови. Обычные голые люди. Они спали. Это мог бы увидеть любопытный, но его там не было. Всё произошло в тайне.

Природа просыпается рано. Утро начинается с пения птиц. Редкие покрякивания и щелчки, переходят в трели, карканье и прочий шум. Пробуждение у многих людей происходит примерно по одной схеме, особенно, пробуждение в необычном месте и когда не помнишь, как здесь очутился. Они неудомённо оглянулись. Поискали взглядом простыни, любовницу, соседей по больничной палате. Тщетно. Лёгкий ступор. Дополнительный вопрос – одежда. Постель, заменённая на лес, наводила на мысль об ограблении. Но память молчала. Абсолютно. И от этого становилось немного страшно. Незнание всегда пугает. Незнание пугает, но она же и заставляет действовать, пробуждает любопытство. Тем более, если нет вариантов. Относительно редкий лес, иногда кустарник и, при этом, полное отсутствие фиговых деревьев, убило последнюю надежду на набедренную повязку. Ищите и обрящете. Помня кто они, но, не по-

нимая, где они, и немного стесняясь необычности обстановки, каждый из них пошёл своим путём, своей дорогой.

Первым к деревне вышел экс-террорист. Типичная деревенская глубинка. Мычание коров, блеяние коз, повизгивание, похрюкивание. Короче, деревенский пейзаж. Около десятка убогих деревянных изб под соломенной крышей.

– Вот же, уроды. – Гневно сплюнул он. – На дворе двадцать первый век, а они не могут себе нормальные крыши сделать. Спилась Россия – матушка и горбачёвский сухой закон не спас. Что за дома?! Везде в Европе чистота и порядок, а здесь, как в средние века. Недалеко они от собственной скотины ушли. Ничего, мне, главное, одежду раздобыть да где ближайший город узнать. Потерплю.

Но как ни вглядывался он на заборы да во дворы, но нигде одежды на верёвках не увидел. Голыдьба, ёшкин кот. Зато на поле разглядел пугало. Рубаха была дыра на дыре, а штаны приличные. Относительно, конечно.

– Если как в древние времена, то тогда уж лучше в древнюю Грецию. Там многие голышом ходили и нормально. Проституция, любовницы узаконены были. Что не жить. Хм, надеюсь я в России? – Как-то непроизвольно проскочила мысль. – Глупый вопрос. Кто ж меня за тыщу верст за границу повезёт. – Успокоил он себя, идя тропинкой в деревню.

Тревожный колокольчик забухал колоколом, когда он, умиротворённо разглядывая окрестности, увидел в поле пахаря, идущего за конём. Вроде бы ничего, но в руках пахаря

была деревянная соха. Какая бы не была глухая деревня, но даже и там стальные плуги. Пускай сажают «под лошадь», но не деревянной же сохой. Ещё со школы он помнил, что такое было только **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** в средние века и ранее.

– Ничего не пойму. Хотя сейчас я уже ничему не удивлюсь. Если честно, боюсь, что придётся удивиться. Ничего, язык до Киева доведёт, или, как говорил мой дед, до Магадана, где он десятку отсидел от звонка до звонка.

Тропинка привела его к избам. Во дворе бегали голые пацанята, а дородная женщина копалась в огороде.

– Здравствуйте, уважаемая.– Поздоровался он, в тайне боясь ответа на незнакомом языке.

Женщина медленно распрямила явно больную спину и оглядела путника.

– И вам здравствовать.

– Она ответила на русском языке! – Мысленно обрадовался он. – Я в России. И это главное.

– Скажите, как пройти до ближайшего города и сколько километров до него. Я немного заблудился. Ребята уехали на машине, а меня пьяного забыли. Бывает такое иногда, понимаете.

– Вот по этой дороге, господин, и иди. Аккурат к обеду и придёшь в замок барона.

– Какого барона? – Автоматически спросил он, не осознав, как к нему обратились.

– Нашего, конечно. Он здесь один на два десятка дере-

вень. Какого же ещё? Ведь к нему уехали господа. Здесь больше некуда ехать, потому как до ближайшего города три дня на телеге. А если ваши друзья уехали в Степное, то до него пять вёрст. Тогда тоже по дороге. В версте от нас будет развилка. Аккурат там повернёте направо, и дорога приведёт в деревню.

– Степное?– В шоке повторил он. – В Степное?

– Да, в Степное. А ты ж не помнишь куда идти?

– Не помню. Не знаю.– Честно признался он, пребывая в ступоре.

– Ну, мил человек, ты напился. Да и вид у тебя. У соседа пугало лучше. Ты что хоть помнишь?

– Ничего. Абсолютно ничего. Где я? Какой сейчас год?

– Да-а. Пойдём-ка к старосте. Он всё решит. Он у нас мужик умный, не даром старостой назначили. Он у нас даже грамоту знает. А зачем она нам в поле-то. Вот то-то и оно. Я об этом и говорю.

Через два двора был дом старосты.

–Луций! Луций! Принимай гостя. Заблудился. Ничего не помнит. Вроде с благородных. Сам разбирайся.

Во дворе практически такой же развалюхи стоял столик, за которым, с чувством собственного достоинства, пил чай крепыш, под пятьдесят, с хорошим, пивным брюшком.

– Ну, что кричишь? Ты ж не на базаре. Вижу я, вижу. Заводи во двор, раз привела. Рассказывай.

– Да что рассказывать. Вот, говорит, напился, ничего не

помню, друзья пьяного бросили, то ли забыли. Ты сам с ним поговори, а я баба простая. Мне бы поработать, а языком трепать это господское дело.

– Ты мне языком потрепи. Барон узнает, так живо сотню плетей назначит, чтоб место знала. А это, значит, ты беспамятный?

– Получается, я.

– Тогда рассказывай, что помнишь.

– Понимаете, выпили мы с друзьями. Потом ещё. Проснулся – никого. Одежды нет. Шёл пешком, пока не вышел к вам.

– И как же тебя зовут? Откуда родом?

– Не помню. Совсем.

– А самое последнее, последнее, что помнишь?

– Последнее? – Последним было то, что он получил сильный удар в грудь и полетел куда-то, а сверху на него летел жёлтый заяц, смешно похлопывая себя по щекам. – Не поверите – жёлтый заяц.

– Да, точно напился. С пьяни и не такое привидится. А что ещё?

– Ничего. Совсем. Очевидно у меня амнезия.

– Кто?

– Амнезия. То есть потеря памяти.

– Учёный. А по морде – деревня деревней. Но, если даже я не знаю таких слов, значит, точно – из благородных. Может, и байстрюк, но из благородных. – Думал староста, задумчи-

во почёсывая голову.— Баронских байстрюков я знаю. Получается, пришлый. Так ни города, ни деревни своей не помнишь?— Уже вслух произнес староста.

— Абсолютно.

— Нет, значит, и сюда нет. Поживи у нас пока, мил человек. Поспрашиваем, узнаем, тогда и домой отправишься. А жить будешь на окраине. Там недавно изба освободилась. Да и от кузни недалече. Кузнецу помогать будешь, он тебя и кормить будет. Проводи гостя, да языком особо не трепи. Поняла?

— Да что ж не понять. Ты, Луций, как старостой стал, так сразу себя господином почувствовал, не подступишься. Чуть что, сразу плетью пугаешь.

— Во всём порядок должен быть. Ты же знаешь. За это меня и выбрали, чтобы порядок блюсти. Давай уж, иди. Чай, небось, уж совсем застыл.

Домик ему достался не хуже, но и не лучше. Как он узнал, хозяйка всего седмицу назад представилась, пережив мужа всего на два месяца, поэтому дом не успел придти в состояние заброшенности и обветшалости. Работодатель и кормилец оказался, как и большинство кузнецов, неразговорчив. Кивки головой да пристальный взгляд на тебя или на что-то заменяли ему почти все слова.

— Эллочка-людоедка, какая-то. Только я на Остапа Бендера что-то не очень похож. — Часто думал Грегор, а именно так решил назвать его староста, глядя на кузнеца, и пытаюсь понять, что он хочет на этот раз. Ничего, стерпится-слюбит-

ся, но только в нормальном понимании, а не как в древней Греции.— Сразу же быстро добавлял Грегор. Неделя сменила другую. Такое положение дел не устраивало экс-террориста — ни одного заказа, ни одного убийства. Душа требовала активных дел, душа требовала перемен. А тут, кстати, ему приглянулся местный бомж. Хотя место жительства у него было, но ленивый был до умопомрачения, и, оказывается, жадный. И это главное.

— Проща!— На свой манер окрикнул Грегор худенького мужичка с лисьими чертами лица. — Опять филонишь. Смотри, старосте надоест, так кнута выпишет.

— Не-е. Не выпишет. Он мой дядька. Поругает, погрозит и успокоится.

— Хорошо устроился. Никаких проблем.

— Чего? Я господских слов не разумею. Мы простые.

— Мы — Николай Второй. Ядрёна вошь. Забот никаких нет, говорю.

— Да как нет. Выпить хочу, а денег нет.

— Так заработай.

— Ха, от работы даже конидохнут, а я хворый. Мне нельзя работать.

— Слушай, хворый, дело есть. Можно денег хорошо срубить.

— Чего?

— Вот же наказание. Можно быстро, не напрягаясь денег заработать. Поможешь мне, четверть денег тебе дам. Ночью

поможешь, дорогу покажешь. На месте чуток подмогнёшь. И всё. Утром с деньгами вернёмся.

– Утром? Подмогну. Если утром с деньгами, то я всё что скажешь сделаю.

– Тогда с сумерками и приходи. До развилки, я слышал, всего верста будет?

– Ага. А что?

– Там всё и объясню. Пока иди и никому о сговоре не говори. Ни матери, ни дядьке.

– Понял. Не дурак.

– Надеюсь.— А мысленно добавил.— Надеюсь, не полный придурок. Да, что есть, то и приходится брать. Выбора нет.

Летние ночи коротки и светлы. Свет не смущал опытного убийцу. Он мог грабить и днём, но днём надо быть в кузне, создавать алиби законопослушного гражданина. Проведя рекогносцировку местности, проинструктировал напарника по разным вариантам и спрятался на дороге, ведущей в Степное. Точнее, из Степного в замок и далее в город. Прошка рассказал ему о домике лесника, которого заporоли плетьюми ещё в прошлом году, но нового так и не прислали. Домик временно пустовал и вполне годился для хранения лошадей, если удастся добыть. А зарыть деньги – земли везде хватало. Грегор любовно попробовал остроту накануне наточенного кинжала. Каждый кузнец был обязан в конце месяца привезти барону или два двуручных меча, или же три длинных кинжала. Его работодатель отдавал предпочтение кин-

жалам. Этот кинжал был откован вчера в черновом варианте. Оставалось лишь наточить его и придать товарный вид. Собственно, поэтому он и остался в кузне, а не был спрятан кузнецом у себя в доме. А точить ножи Грегор умел и любил, как и обращаться с ними.

Надеясь перехватить телегу из деревни, получилось в точности наоборот. Со стороны баронского замка показалась еле ползущая телега, запряженная хилой лошадёнкой. Если бы лошадь пошла по дороге в их деревню, неизвестно ещё, как поступил бы Грегор, но лошадь пошла в Степное.

– Э-э, мужики. – Начал работать Прошка.

Мужики встрепенулись. Один из них протянул руку под мешковину. С него и начал Грегор. Хороший камень, грамм на триста, со свистом пролетел и ударил прямо в висок. Бросок и ещё один схватился от боли за грудь. Дальше в ход пошёл кинжал. Не прошло и трёх минут, как на телеге остались только трупы.

– Ну, что, Прошка, иди смотреть добычу.

Робко, непривычно, слегка испуганно подошёл Прошка.

– Не бойся, Проша. Они уже не причинят вреда, а деньгами поделаются.

Им повезло. Крестьяне возвращались в деревню после продажи в городе продуктов. От такой суммы, полученной на халяву, Прошка просто обалдел.

– Держись меня, Проня, богатым будешь. Ещё твой дядька завидовать тебе будет. Только смотри, не разболтай на ра-

достоях, а то сразу на дыбу вздёрнут. Барон думает, что только он имеет право грабить, поэтому всех конкурентов сразу же убирает. Причём жестоко. В назидание другим.

– Да, понял уже. Не дурак. Прикопаю в надёжном месте. Завтра опять придём?

– Не. Завтра кинжала не будет. А как без него. Видишь, второй шустрый оказался – увернулся от камня. Не, рисковать не будем. Кузнец сделает третий кинжал, так и пойдём. Только смотри, не начни тратить деньги на радостях.

– Ха, шутишь? Где тратить-то их? До города три дня пути. А пить брошу. Теперь у меня есть деньги, так зачем их тратить попусту.

– Да ты не так прост, Проша. Молодец. Я тебя недооценил. Мы с тобой

сработаемся. Давай, распрягай коня и веди на заимку лесника. Скоро утро.

Первое ограбление прошло незаметно для населения, но второе вызвало опасение, а третье – тревогу. Даже в их деревне. Люди барона обшаривали все окрестности и всегда быстро находили пришлых разбойников. Свои-то не грабили – в деревне все, как родственники. Чтобы не привлечь внимание к деревне, надо было в четвёртый раз ограбить именно своего сельчанина.

– Именно поэтому, Проша, надо будет ограбить и убить нашего. Да, кому-то не повезёт. Что ж поделаешь. Жизнь такая. Каждый выживает в одиночку. Понимаешь, люди делят-

ся на две категории – волки и овцы. Овцы постоянно в поле. А мы – волки. И ты должен доказать, кто ты. Ты встанешь и убьёшь. Убьёшь овцу, чтобы волк получил свою заслуженную добычу. Это будет твой экзамен. Если ты пройдёшь этот тест, то тогда ты станешь моим партнёром, и я стану тебе давать не четверть, а уже треть добычи. Но докажи мне, что ты волк, что ты настоящий хищник! Ты понял меня, Проша.

– Да не понимаю я ваших господских слов. Одно понял – докажу, что я волк и добыча мне принадлежит по праву сильного. И я буду получать треть добычи.

– Молодец. На счёт трети ты сразу врубился. Сегодня и пойдём. Встретимся на развилке.

Если в человека изначально была заложена гниль, то, как не называй себя, хоть Иуда Искариот, хоть Прошка – лентяй, всё равно, со временем, он совершит подлость. Просто ему нужно создать условия. Человек каждый день совершает выбор. Осознанный выбор. Человек с душой Данко, способный вырвать собственное сердце во спасение других, пожертвует собою. Человек с душой Искариота, жертвует другими. Грегор – циничный и жестокий убийца, хорошо разобрался в людях и своих определял достаточно быстро.

Их земляк на телеге оказался один, поэтому Грегор специально отошёл подальше, чтобы дать полную свободу своему подопечному. Если бы Прошка проиграл, то на него и списали бы все грабежи. Отрицательный результат тоже результат. Но Прошка оказался способным учеником и не под-

вёл наставника. Денег было всего две медные монеты, но лошадь, как говорят, и в Африке лошадь. Это была уже четвёртая лошадь. Пора было продавать, чтобы не гнать целый табун и с ним же и засветиться. Выждав, когда кузнец повезёт в замок кинжалы, Грегор и Прошка, связав лошадей цугом, погнали их в город. А чтобы не нарваться на стражу, поскакали напрямик. Грегор собрал все свои накопления. Возвращаться в деревню он не собирался.

Они, по словам Прошки, весьма удачно продали лошадей и разделили барыш. Под предлогом, чтобы вдвоём не засветиться перед земляками, Грегор простился с Прошкой и, наконец-то, зашёл в трактир, чтобы выпить и по-человечески расслабиться. Жизнь налаживалась. Грегор, по привычке, сел за угловой столик лицом ко входу, заказал два больших пива и свиную отварную ножку с зеленью.

Вторым вышел к людям бывший бодигард Дима. Внешне он был похож на своего напарника. Его отличали лишь по белому «ёжику» на голове в отличие от рыжего у Аркадия. Деревня, к которой вышел Дмитрий, называлась Выселки и насчитывала всего шесть дворов, но и там был, естественно, свой староста Хольц. Дмитрию, как профессиональному «качку», повезло меньше. Одежда, которую он смог стащить, оказалась мала. Ну, очень мала. И в ширину, и в высоту. Пришлось штаны использовать на манер фартука, завязав на поясице штанины на узел. Минимальные требования культуры были соблюдены. Дмитрий не особо озадачивал себя

бесполезными вопросами, типа: «Ну откуда в Африке воронежские улицы?». Возможно потому, что он был не из Воронежа или не смотрел мультик «котёнок, с улицы Лизюкова». Поэтому, услышав ответ на родном языке, а как же иначе, сразу спросил, как найти начальство, и проследовал по указанному адресу. Вскоре туда же прибежал и хозяин Диминого фартука. Хозяин был местный, Дима – пришлый и вокруг него стояли местные мужики. А это уже повод показать, кто в доме хозяин. На трепание языком флегматичный Дима не реагировал, но, когда, не получивший никакого отпора, хозяин замахнулся на него рукой, то Дима просто хлопнул его сверху кулаком по голове. Не сильно. Но Дима был на голову выше и килограмм на пятнадцать тяжелее. Получился эффект кувалды. Все мужики оценили легкость и небрежность удара по достоинству.

– Так, со штанами разобрались.– Подвёл промежуточный итог староста.– Ещё раз: как тебя зовут и откуда ты?

– Я ж говорю, Димой меня называют, Дмитрием.

– Ох, ну и имена стали детям давать. Если помнишь только имя, то звать тебя будем по-нормальному – Митрас. Запомнил? Вот только куда тебя деть, куда пристроить беспмятного такого? Землю пахать? Ты вон какой бугай.

– Не, ты что. Я никогда колхозником не был. Не буду.

– Хм, не буду. Тогда в кузню иди. Будешь кувалдой махать, но только не по голове, а с пользой для дела.

– Ну, кувалдой – это другое дело. Это, типа, качалки. Это

по мне. Согласен.

– Ну, наконец-то. Эй, пацан. Отведи человека до кузни. Скажи, я прислал. Пускай на постой возьмёт да к работе приставит.– А потом, обращаясь к Митрасу.– Кузнец всё равно холостяк. Поживёте пока вместе. Поживём – увидим.

Местный кузнец был высоким крепким мужчиной, но, как оказалось, на пол головы меньше квартиранта. Настоящие мужики уважают чужую силу и, если не появляется треугольник в виде женщины, то обычно становятся друзьями.

Митрас в прошлой жизни, как боец спецназа, занимался рукопашкой, немного – нунчаками, шестом, а вот мечи считал детской забавой и глупым времяпрепровождением. Оказалось зря. Три длинных, почти по метру в длину, меча ждали отправки в замок. Митрас, как боец по натуре, не мог этого упустить и напросился на курсы по фехтованию мечом. Естественно, с мечом у него был только, как говорят, бой с тенью, а в спарринге они работали увесистыми брёвнышками из молодых деревцев.

Где-то через пару недель стали известны слухи, что кто-то грабит и убивает крестьян из соседней деревни Степное. Откуда взялись эти разбойники и где ночуют, никто не знал. Подумав, староста приказал на ночь выставлять вооружённых мужиков на въезде в деревню. Мужики были с вилами, а Митрас, подобно баронскому наёмнику, стоял с мечом. Благо барон об этом не знал. Когда подошло время вести в замок оброк и мечи, Митрас напросился с ними под предлогом

охраны и просьбой разрешить ему потом доехать до города, сходить в кабак, выпить, потратить честно заработанные деньги. На том и порешили. Тем более свободный человек.

Проводив обоз до развилки на замок, Митрас зашагал в город. В руках у него был посох, дубине подобный. Вечером, на привале напросился к купцам и на их телеге прибыл в город. Заплатил пошлину за вход и прошёл через ворота. А что ещё делать в городе крестьянскому мужику, как не сходить в кабак, выпить вина или хотя бы пива. Ему посоветовали приличное заведение. Туда он и пришёл. По привычке занял место у стены лицом ко входу, заказал кружку вина самого лучшего и баранины с луком и овощами.

Третьим к людям вышел бывший бодигард Аркадий. Из всей одежды у него был, как упоминалось чуть ранее, только рыжий «ёжик» на голове. По темпераменту Аркадий, как и большинство крупных мужчин, был флегматиком, но с небольшим добавлением холерика. Поэтому, когда с трудом, от непривычки, сворованные брюки не налезли, он, сгоряча, рванул их и, естественно, порвал ровно посередине. А завязывать половинки у себя между ног, как это делают индусы в Индии, он не умел. Грамотно ударить по морде лица – да. Завязать узел, чтобы не слетал после второго шага – нет. Так и пришел с неприкрытым устьем ног в деревню с характерным названием Устье. Когда-то давно здесь протекала река, но, по воле земли, источник иссяк, ручьи ушли под землю. Зато колодцы на глубине метра уже давали воду.

Подойдя к ближайшему забору, Аркадий стыдливо, сказывалось советское воспитание, прокричал:

– Хозяин! Хозяин! Есть кто живой!

В ответ из избы выскочил пацанёнок, лет четырёх и с удивлением застыл на крыльце. Следом за ним степенно вышел хозяин дома, взглянул на гостя и быстро юркнул в избу, чтобы сразу же показаться с вилами.

– Ты что здесь шастаешь, срамник! Пошёл отсюда, покуда дырок тебе не наделал.

– Братишка, помоги. Сам понимаю – срамно, но что делать. Проснулся без одежды, а какую нашёл – мала больно. На твоего мальчика только и надеть. Помоги, братишка, стыд прикрыть, пока женщин не видать.

Хозяин с недоверием подошёл поближе, осторожно оглядел габариты гостя. – Врёшь, небось. Разбойник?

– Да если б врал, то разве начал бы шуметь и тебя звать. Просто стащил бы и всё. Но всё равно бестолку, мало же будет. Помоги, а?

– Да, крупный ты жеребец. Наш кузнец помельче будет. А вот шершенёвский свояк – ещё тот толстяк. Вот его штаны попробую принести. Возвращайся в лес. Не хватало, чтоб тебя наши бабы увидали такого. Я скоро приду. Олесь, марш в избу. Без меня, чтоб ни шагу за порог. Высеку!

Минут через двадцать мужчина вернулся со свёртком. Если штаны носить на бёдрах, как джинсы, то пойдёт. Но что такое джинсы они, очевидно, не знали, поэтому Аркадий

просто сказал: Пойдёт.

– Если пойдёт, тогда пошли к Шершню.

– А это что за страсть такая?

– Не что, а кто. Это наш староста. Уважаемый человек. Он же и приказал свояку поделиться штанами, а то он, паршивец, зажал. Говорит, не дам и всё. Пошли, познакомлю. Ему всё и расскажешь. Да ты не бойся. Деревенские старосты, в основном, свои же деревенские. Посему с понятием. А вот, если барон захочет насолить кому...

– Стоп. Обожди. Ты сказал барон? Цыганский что ли?

– Какой цыганский? Никаких цыганских. Ты откуда родом, парень? У нас таких отродясь не было. Наш барон, местный. Хозяин всех деревень и города. Хотя города, конечно, довольно условно.

– Что-то я ничего не пойму. А как называется ваш город?

– Штапель.

– Штапель? Это материал такой?

– Какой материал, парень! Это город наш.

– Город? А как деревня ваша называется?

– Устье.

– А. Тогда нормально, пошли. Нормальное русское название.

– Чудной ты какой-то, парень. У тебя с головой, часом, всё нормально?

– Пока не жаловался.

– А на тебя?

– Что на меня?

– На тебя не жаловались?

– Нет. Хозяин доволен всегда был.

– Так ты беглый раб што ли?!

– Какой раб?! Ты рехнулся? Я служил ему. Охранял его. С товарищем. Вот только проснулся, а ни товарища, ни одежды нет. Как это случилось, не пойму.

Мужик только взглянул на него и тяжело вздохнул.

Вскоре подошли к одной из изб. На крыльце стоял мужчина лет под сорок представительского вида и толстяк, удивительной толщины.

– Шершень, вот, привёл я тебе этого горемыку. Служивый. Говорит барона охранял. Значит, наёмник. Говорит, со товарищ по оружию стукнул по голове и раздел. Короче, ни дружка его, ни одежды. Ничего не помнит. Ушибленный, значит.

– Обожди. У него языка что ли нет. Не тарихти. Тебя как зовут, уважаемый?

– Аркадий.

– Как? Ну, насмешил. Разве такие имена бывают? Или это у вас клички такие?

– Ну, почему? Меня так матушка нарекла. В честь Аркадия Гайдара.

– Так ты из далека. Я и смотрю – рыжий. У нас таких мало. Тогда понятно. Запомни, с таким именем далеко не уедешь. Зовись-ка лучше Аркон. Вот хорошее имя. И воину как раз

подходит. Теперь насчёт одежды. За всё платить надо, мил человек. Денег, вижу, нет. Иль засунул куда, чтоб не украли? Ха-ха. Шучу. Не обижайся. Но отпускать такого здоровяка жалко, сам понимаешь. Поэтому отправлю я тебя в кузницу. Поработаешь, заработаешь денег, расплатишься с родственником за штаны и иди куда хочешь. Договорились?

– Договорились. Тем более надо разобраться здесь кое с чем.

– А вот разбираться ни с кем здесь не надо. Всяких мордобоев не терплю.

– Не с кем, а с чем. Поэтому мордобоя не будет.

– Вот и ладненько. Давай, своячок, посылай слугу. Пускай гостю путь-дорогу до кузницы укажет. А поселишь его у себя в амбаре. Сейчас лето, нормально будет на сене. Иди, Аркоша, иди на кузню. Что зря время терять. Начинай зарабатывать себе на штаны. Я ж не могу допустить, чтобы мой свояк без штанов ходил. Ха-ха.

Кузня находилась, как обычно, за деревней. В паре метрах от неё звонко журчал небольшой ручеёк, который наполнял зарытую в землю большую глиняную бадью. За избой кузнеца был и маленький огород, где на аккуратных грядках росло множество разнообразной зелени. По двору бегала пара детей, наперегонки с дворняжкой догоняющие кролика. Из кузни раздавался перезвон кувалды, туда и пошёл Аркон. Внутри помещения оказалась целый оружейный арсенал. Боевые топорики, алебарды, кинжалы, ножи и, естественно,

несколько больших мечей. Аркон зачарованно осматривал коллекцию, нежно поглаживая тёплое железо. Хорошей сталью тут и не пахло.

– И куда же меня занесло? Временная дыра или вообще параллельный мир?– Думал Аркон, пробуя в руке оружие.

– Как мнение, воин?

– Хорошо. Но железо сырое. Там, где я был, в железо добавляют какие-то добавки, и оно становится намного крепче.

– Чтобы оружие стало крепче, я черновой клинок обвязываю деревом и запекаю его в углях без доступа воздуха, а потом отбиваю на наковальне.

– Насыщение углеродом. Я знаю. Но в дереве его мало. Там что-то в горах добывают и это добавляют. Извини, не знал, что с этим придётся столкнуться, я бы разузнал. Ты правильно подметил, я воин, а не кузнец.

– Но тебя поставили помощником кузнеца.

– Да. И буду рад, если ты меня чему-нибудь научишь.

– Даже, если бы у тебя и не было желания чему-нибудь научиться, то тебе всё равно пришлось бы это сделать. Моё оружие ценят в замке у барона, а мои вилы и мотыги ценят люди.

– Если так хорошо, то почему люди в поле пашут деревянной сохой, а не железным плугом?

– У нас хорошая, мягкая земля. Такая земля спокойно обрабатывается и сохой. Мне остаётся только сделать наконец-ник на острие. Туда, на западе есть Недомысловка, так там,

действительно, плохая земля и народ вынужден пахать плугом. Да и урожаи там не такие, как у нас. Не пойму, что они там живут, что их там держит. Вокруг полно свободных земель. Староста свободно мог бы решить этот вопрос с управляющим барона. Это и им выгодно, потому что будут больше сдавать оброка и сами не голодовать.

– Наверное, привычка и страх к переменам.

– Может. Пошли работать. У тебя ещё будет время и наглядеться, и натрогаться до мозолей. Без привычки это за просто.

Запах раскалённого металла, жар печей, таинство перерождения куска железной руды в красивый кинжал – это была как раз та среда и та жизнь, о которой иногда мечтал Аркон в своей прошлой жизни, когда ходил в зал кэн-до – путь меча. Работа молотом, тренировки с разными видами холодного оружия были поводом, чтобы пропадать в кузнице целыми сутками.

Иногда к ним заходил Шершень. Обычно он открывал дверь, прислонялся к косяку и подолгу наблюдал за их работой, иногда кряхтя и поматывая головой, будто завидовал чужой силе и мастерству.

Однажды Шершень вызвал Аркона к себе.

– Ну, мил человек, себя не помнящий, готовься. Завтра кузнец везёт барону своё оружие. Поедешь с ним. Посмотришь, глядишь и ты зачем-нибудь там сгодишься. Не оплошай. Но и не наглей. Барон любит, когда его люди знают своё

место. Будет возможность показать себя – покажи. Не стесняйся. Всё понял? Тогда иди, готовься.

На следующее утро, ещё затемно они выехали. На телеге лежали мешки с репой, морковью, горохом и ещё чем-то, пара бочек с хмельным пивом. Гордостью кузнеца был деревянный ящик с ляжками, в котором он перевозил изготовленное им для барона оружие.

До ближайших Выселок они доехали с первыми лучами солнца. По центральной улице не спеша шел местный староста.

– О, господин Хольц, моё почтение вам. Что так рано? Какие дела?

– Да такие же, как и у вас. Вот проводил только что телеги к барону. Чуток опоздали, а так бы вместе ехали.

– Ничего, догоним. А не догоним, так в замке встретимся. Всего доброго вам, господин Хольц.

– Да и вам, ребятки, не хворать.

К их приезду в Степное, тамошние телеги тоже уже уехали. Перекусив в кабаке, они отправились дальше, и ближе к вечеру добрались до замка.

Барона в этот раз в замке не было, поэтому всё прошло быстро и без помех, без порки попавшихся под руку.

По дороге домой, кузнец довёз Аркона до развилки на город.

– Давай, братец, иди в город. Посмотри, себя покажи. Тебе место там. А не пойдет что, возвращайся. Дорогу знаешь.

Всегда рад буду. Иди. Не место тебе в деревне сидеть. Ты рождён не для такой жизни. А на память возьми. Специально для тебя выковал, пока ты с мечами баловал. Подарок. Если не докажешь, что ты рыцарь, за меч могут руку отрубить. А этот кинжал может и меч удержать. Тем более в твоих руках. Да и разбойники, я слышал, появились. Так всё спокойней будет. Да и мне за тебя. Благословляю тебя. Иди.

Если где-то все дороги ведут в Рим, то там все дороги вели или к замку барона, или в город Штапель.

Заработанных денег хватило и расплатиться со свояком Шершеня за штаны, и было на что зайти кабак хорошо покушать. Аркону посоветовали неплохой кабак, где хорошо готовят и цены приемлемые. Переступив порог, Аркон вошёл в полутёмный зал. Привычный столик в углу уже был занят, поэтому он пошёл по второму варианту – стол у стены лицом ко входу. Привычка – вторая натура. Этот стол был длинный и на «его» лавке тоже уже сидел какой-то крестьянин. Места было достаточно и не было повода для скандала. Подошла официантка.

– Так, красавица, мёда хмельного пару кружек и мяса побольше. Мало будет, ещё закажу.

Официантка, лихо крутанув платьем, ушла.

– Ещё он закажет. А задница не слипница, парень?– Услышал он хриплый насмешливый голос.

– А, может, у кого-то зубы во рту жмут.– Намеренно грубо ответил Аркон и повернул голову к соседу по лавке.– Ядрёна

вошь! Димка! Как ты здесь оказался?

– Наверное, как и ты и по той же причине. А именно здесь? Отвозили барону оброк. А потом я сюда отпросился город посмотреть. А ты-то как? Жив-здоров?

– Не поверишь, я тоже. Очнулся – голый. Где одежда? Где я? Что за лес? Ничего не пойму. Дошёл до деревни, а там проще было.

– Ха, как будто про меня рассказал. Аналогично.

– Я так понимаю, теряться нам теперь нельзя.

– А мы и не будем. Чай не пальцем деланные. Видно не зря нас судьба опять свела.

– Да уж. А из прошлой жизни всё помнишь?

– И даже больше, чем хотелось бы.

– Как думаешь, там много людей пострадало?

– Не знаю. Но, если бы не тот старик, было бы много больше.

– Да уж. А я сначала и не понял его. Думаю, что это старый спортом занялся. Стайер, ёшкин кот. А если бы тот террорист не струхнул, мы бы его пропустили.

– Увы. Я тоже так думаю. Интересно, старика взрывом зацепило или он выжил?

– Теперь уже не узнаем. Как думаешь, мы в прошлом или в другом измерении?

– Говорят все по-русски. Думаю, это параллельный мир или что-то на подобии.

– Согласен. Не могут в древней Германии или Чехии так

по-русски шпрехать.

– Не могут.

– Вот и я о чём. Ну, что? Давай за встречу?

– Не чокаясь? Мы ж вроде бы погибли?

– Тогда – не чокаясь.

Самым последним к людям вышел пенсионер. И не потому, что его далеко забросило, просто на дороге попался овраг. И он, вражина, был не вдоль дороги, а поперёк. Да к тому же и крутой, а все склоны заросли густым колючим кустарником, усыпанным крупными ярко-красными ягодами. На калину, бузину, шиповник не похоже. А есть подобие волчьего лыка и мучиться животом не хотелось. Хотя есть как раз и хотелось. Ноги ужасно кололо и щипало непонятно чем и кто. Пришлось сделать конкретную остановку, чтобы сухой палкой отщипнуть кусок лыка, и сделать подобие снегоступов, связав их с ногами тонкими веточками. Он шёл, разглядывал себя и не переставал удивляться. Первое на что он обратил внимание – отсутствие послеоперационных шрамов на бёдрах. Широченные длиной в пятнадцать и семнадцать сантиметров куда-то делись, странно быстро рассосались. Пропал рубец после удаления аппендицита. Пропал шов после ранения справа в низ живота. Всё рассосалось. Не осталось и следов. Было не понятно, а титановые протезы тоже рассосались или только швы? Пощупал на спине, но и там рубца после ранения не обнаружил. Он хорошо помнил последние секунды своей прежней городской жизни, но как

попал сюда – непонятно. Если умер – должны были похоронить, закопать. Но не бросить же в лесу просто так. Слишком много вопросов, а умных вопросов, как известно, не бывает. Поэтому и состояние, и ситуация были близки к идиотизму. Конечно, попав непонятно куда, после этого ещё и заблудиться – сложно. Он шёл, надеясь, что и самый дремучий лес когда-нибудь кончается. Главное – не выйти в Японию или Португалию, потому как за ними начинается море, а плавал он плохо. Шёл он час или три – трудно сказать, но, в конце – концов, повезло и ему. Он шёл по мелколесью и среди деревьев увидел человека. Слава Богу! Это был мужчина. Усилив темп ходьбы, за три минуты догнал его.

– Уважаемый! Э-ээ! Минуточку!

– Это ты мне? Кто такой? Воруюсь господский лес?

– Да Бог с вами. Ворую лес? Как и чем? Неужели вы не видите мой вид. Неужели в таком наряде выходят воровать, тем более лес. По идее, хотя бы топор нужно иметь.

– Ну, и кто ты? Почему здесь разгуливаешь в чём мать родила?

– Самое интересное, что эти вопросы я сам себе задаю, и не могу ответить. Я ничего не помню. Я не помню, как сюда попал, почему голый? Может, меня ограбили и выбросили в лесу? Я помню только, что меня зовут.... Ха, а вот этого я как раз и не помню. Помню.... но не помню. Как так?

– Да, видимо трахнули тебя по башке хорошо. На старость лет ещё и идиотом быть. Ты помнишь хоть, кем был, чем

занимался?

– Хм. Кем был, что умел? Это всё в прошлом. Теперь я просто гуляю, путешествую.

– Понятно. Странствующий старец. Тогда, действительно, тебя, скорее всего, ограбили, тюкнули по голове и бросили. Скажи спасибо, вообще не убили.

– Спасибо.

– Тьфу. Да не мне.

– И вам спасибо. Скажите, не могли бы вы мне помочь с одеждой? Хоть секунд-хэнд.

– Какой?

– Ну, б/у. В смысле, ношенной.

– Ха-ха. А ты думал тебе новую кто даст?

– Да я так, на автомате.

– На чём?

– На автомате.

– Или тебя слишком сильно по голове ударили, или ты слишком умный. У тебя половину слов не поймешь. Станный ты какой-то. Одно слово – старец. Вы все такие. Ладно, погоди здесь, пришлю слугу с одеждой. Старенькая, но тебе пойдёт. Потом придёшь, поедим. Жди.

– Как же так? – Удивлялся пенсионер, оставшись один.– Помню всё подробно, до мелочей. Даже цвета помню. А как звать самого себя – не помню. Такого не может быть. Такой амнезии не бывает. Хм. Старец. Теперь буду старец. Старец

– не старик. Звучит солидно. Ладно, со временем вспомню.

Минут через двадцать пришёл молодой парень, принёс обувь и одежду.

– Здравствуйте, господин.– Поздоровался он.– Господин староста приказал передать вам это. Одевайтесь, господин Изгард ждёт вас.

Старец развернул пакет, разглядывая присланные вещи.

– А почему ты всё время говоришь про господ?

– Как это почему?– Явно опешил молодой человек.– Потому, что слуги должны обращаться так к своим хозяевам.

– Прямо, средневековье. Хотя многие, поступающие в услужение, сами так унижаются. Лишь бы денег платили побольше.– Сказал он, натягивая на себя штаны и рубаху свободного покроя.

– А нашим крестьянам никто не платит. Они сами платят барону за свою свободу.

– Какому барону?

– Нашему. Барону Штапель.

– Странная фамилия. Из немцев што ли?

– Каких немцев? Нет, господин. О таких мы здесь и не слыхивали.

– Как это вы не слыхивали?– Теперь наступила его очередь опешить.– Как это не слышали? Разве есть в России хоть одна деревня, где не слышали про немцев, про фашистов!

– Господин, вы меня совсем запутали. Какая Россия, ка-

кая фашистов? Нет здесь ничего такого, и никогда не было. Не знаю, может, за баронским замком или за городом Штапель и есть такое, не буду спорить, я дальше Засечной да Выселок нигде и не был. Ну, в Устье, понятно, много раз был.

– Понятно. Проехали. А у вас деревня или село хотя бы?

– Деревня. А что такое село?

– О-о-о.– Тихо завыл он от тупости своего попутчика.– Село отличается от деревни наличием церкви. А у вас в деревне есть церковь, батюшка, священник?

– А зачем? У нас никто в Бога не верит. Есть прилетающие с небес люди, но они не боги. Да и прилетали они тысячи лет назад.

– О, инопланетяне?– Ещё раз удивился он тому, что так упорно не принимают до сих пор в России.

– Интересное название. У нас говорят – небесные люди.

– А что ещё у вас говорят про небесных людей?

– Ну, ещё? Что, много тысяч лет назад, они высыпали возле нашей планеты буквально горы камней, которые закрыли нашу планету от солнца, и на нашей планете смогла начаться жизнь.

– Стоп. Стоп. Стоп. Ты хочешь сказать, что эта планета не Земля?

– Конечно. Это Венера.

Старец настолько был поражён полученной информацией, что остановился.

– Венера. Но это не возможно. Там сплошная сера в воз-

духе, температура под пятьсот градусов по Цельсию. А по Фаренгейту ещё больше.

– Ну, да. Так оно и было. А потом земляне высыпали камни, стало холоднее и всё нормализовалось. Не сразу, конечно.

– Вот тебе и Иванушка-дурачѐк!– Мысленно подумал он о своём попутчике.– Он знает то, о чём я и представить себе не мог. Но когда же это произошло, если в двадцать первом веке об этом даже и не думали? Но он говорит об этом, как о простом, уже свершившемся факте, о котором знают все. Все! Как же хорошо, что я догадался порасспрашивать его.

– А дальше что? Рассыпали камни, стало холоднее, стали пригодные для жизни условия и что?

– Да, собственно, и всё. Земляне оставили колонистов, сказали, что прилетят потом, но прошло несколько тысяч лет, и никто так и не прилетел.

– А самолёты, машины у вас есть? – Осторожно, с тревогой спросил он.

– Кто?

– Ну, транспортные средства? Средства передвижения! Ну, на чём вы передвигаетесь, кроме своих ног?– Входя в лёгкий ступор, уточнял старец.

– Конечно. Телеги есть, кони, коровы. Их запрягаем и ездим.

– Средневековье. Интересно, раннее или позднее?

– Что?

– Ничего. Я это так, тихо сам с собою.

– А, оно и понятно. Староста предупредил меня, что у тебя не все дома.

– Скорее, это я не дома. А насколько это разница, мне предстоит выяснить. Интересно, а инквизиция у вас есть?

– Кто? Не слышал, господин.

– Слава Богу, не сожгут хотя бы.

– Ну, насчёт этого не сожалейте. Барон захочет и сжечь могут, и кожу живьём снимут. Зачем нам Бог? У нас барон всё решает. Как скажет, так и будет. Под горячую руку ему не попадитесь – запорют.

– Вот же угораздило меня.

– Не расстраивайтесь, господин. Живы, и это главное. Позвольте спросить, господин, а вы сами, откуда к нам пришли? С какого города?

– С Москвы. Про такой город когда-нибудь слышал?

– А как же. А по вам бы и не сказал. В Московии некоторые слова так смешно говорят, а у вас всё, как у нас.

– У нас – это где?

– В берлинских землях.

– А какие ещё ты знаешь земли?

– Ещё – парижские, вашингтонские, мадридские. Есть ещё пекинские, но они очень далеко. Они с нами практически не общаются. Только воюют.

– А эти земли не воюют между собою?

– Ха, ещё как воюют. Ещё чаще с ними. Но эти войны

привычные. Мы к ним привыкли.

– Да, уж. Полетели в космос, чтобы рухнуть в дремучие времена. Ужас.

– Так уж получилось, не смогли наши предки ужиться между собой. Война, понятно, к ничему хорошему не приведёт.

– Чаще всего, да. Но бывают и освободительные войны.

– Отец нашего барона и вёл освободительную войну против московских баронов. Вернул эти земли берлинским баронам. Теперь живём.

– Ничего не меняется. За власть и деньги любой повод и предлог используют. Попробуй, подними теперь кого на освободительную борьбу. Тебя же первого эти крестьяне и убьют. Три шкуры дерёт, но зато живой. Понять можно.

– А староста как? Как его зовут – то?

– Да что его звать-то? Завсегда сам приходит.

– Имя у него какое? Не запомнил я.

– А. Изгард.

– Интересное имя. Как у скандинавов.

– Из ратников он, защищал отца барона, когда молодой был. Вот и дали ему соответственное прозвище.

– Гарда. Это как на сабле или кинжале?

– Угу. А вот мы и пришли. Сейчас моя жена вас покормит, а дальше, как староста скажет.

Они вышли к типичной захудалой деревушке российской глубинки, где и в двадцатом века туалеты на улице были, но

не было газа, и столбы прогнившие рушились, оставляя на недели жителей без света. Но электричеством здесь, понятно, и не пахло. А вот из туалетов вонь он почувствовал уже здесь. Ему оставалось только глубоко и тяжело вздохнуть. О чём он сразу же пожалел, т.к. ветер был в их сторону.

– День добрый, хозяйка. Простите за беспокойство.

– Что вы, что вы, господин. Проходите, угощу, чем Бог послал.

– О, а мне сказали, что никто в Бога не верит. Барон вроде бы его заменил.

– Да-а. Конечно, как барон скажет, так и будет. Мы же все его люди. На всё воля барона.

– Это на земле, но вы же знаете, что есть Тот, чьё царство не от мира сего.

– Только это и успокаивает. Хотя по жизни такой и согрешишь иногда. Вот и боюсь – попаду ли я царство Божие с грехами этими?

– **Absolvo te!** – Отпускаю тебе грехи твои, дева. – Как-то непроизвольно вырвалось у него.

– О! Вы странствующий старец! Батюшка, благодарю вас за милость эту.

– Не меня благодари, дочь моя, а Господа. Что даром дано мне, то даром и отдаю. Если исповедуешь Христа, веришь в святость Господа, что Господь Отец наш небесный, то спасение тебе дано, **Ad hominem** – применительно к человеку, **Ad honores** – из чести, т.е. *безвозмездно*.

– Благослови меня, старец.

– Благословляю тебя, Ad majorem Dei gloriam – к вящей славе Божией

– Спасибо. А теперь пойдёмте, покушаем.

В двадцать первом веке такие квартиры называются студиями, т.е. кровать, кабинет и кухня на одном «пяточке». Самая паршивая планировка. На большом столе уже стояли миски с гороховой, как мне сказали, похлёбкой, лежали куски хлеба из какой-то полбы. Судя по семенам – разновидность пшеницы. Но откуда она здесь, если в наше время о ней и не слышали. В глиняном кувшине – квас. Квас оказался хмельной.

– Преломим хлеб во славу Господа и поблагодарим Его за нашу еду. Аминь.– Откуда это стало появляться в его голове, он не знал. Он и раньше к этому относился с пониманием, но не настолько же! При всей его памяти, появились некоторые моменты, которые он объяснить не мог. Хотя это и не противоречило его мыслям. Возможно, он раньше просто стеснялся так открыто, так запросто говорить то, что думал, что у него на сердце.

– Скажите, я так понял, что и до меня здесь уже ходили старцы?

– Да. Здесь, даже как-то жил старец.

– И что же?

– А его сожгли по приказу барона.

– Сожгли? Как еретика? Такое возможно, только если у

власти стоят слуги дьявола, и дьявол их король.

– Примерно так оно и есть.

– Печально. **Mortem effugere nemo potest** – «смерти никто не избежит». **Nemo me impune lacessit** – «никто не оскорбит меня безнаказанно». Воздастся всем по делам их. Аминь. А почему барон так решил его наказать? Барон такой противник Бога?

– Да я бы не сказала. Просто старец много говорил, кричал, призывая нас к Богу, говоря, что скоро судный день. Попал под горячую руку.

– *Ad pauseam* – «до тошноты», так говорится о дискуссиях, которые уже утомили участников своей длительностью.

– А, ну да. Возможно, так и получилось.

– Поживём-увидим. Спасибо, хозяйюшка, за хлеб-соль. Пора уже к старосте предстать пред ясные очи. Послушаем, что местная власть скажет.

– Да он у нас нормальный. Строгий, но справедливый.

Дом у старосты был хорошим деревенским пятистенком. Во дворе сараи, из которых мычало и хрюкало. Зажиточный такой мужичок. В семнадцатом году его раскулачили бы точно.

– Пришёл, Божий человек?

– Скорее всего, Бог привёл.

– Покормили? Не обидели?

– Нет. Всё было хорошо и вкусно. Спасибо вам за заботу.

– На то старосты и поставлены, чтобы о людях беспоко-

иться. Работник здоров, значит, урожая больше вырастит. Барону, опять же, хорошо. На одной земле живём.

– Обождите! Это же Венера, а вы говорите – на одной земле живём. Земля же далеко.

– Кхе. Правильный вопрос. Но так говорили наши деды и прадеды, так говорим и мы. И не будем менять что было.

– **Ab antiquo** – «исстари», «издревле».

– Что?

– Издревле. Не будем менять то, что было издревле. Это латынь.

– Да знаю я, что такое латынь. А ты-то, откуда её знаешь.

– Да все мы учились чему-нибудь и как-нибудь. Всему по-маленьку.

– Грамотный, значит.

– Естественно.

– Твоё естественное далеко не для всех естественно.

– Ох, и закрутили вы, уважаемый.

– А то. Староста я или не староста.

– Староста. Однозначно.

– Присаживайся. В ногах правды нет.

– Я смотрю, по-моему, и в мире тоже.

– Так на то и мир. А ты, значит, в Бога веришь. А есть ли Он? Ты уверен в этом? Сам-то веришь в это?

– **A capillo usque ad unguis** – «от волос на голове до ногтей на пальцах ног».

– Но посмотри по сторонам. Где ты видишь справедли-

вость?

– Это всё только **A prima facie** – «на первый взгляд». **A nescire ad non esse** – «из незнания к несуществованию», т.е. *на основе того, что неизвестно, нельзя заключить, что этого нет.*

– Э-э, не будут тебя слушать, а то и засмеют.

– **A probis probari, ab improbis improbari aequa laus est** – «Одинаково почётны и похвала достойных людей, и осуждение недостойных».

– Нет, что ни говори, а, если я не вижу, значит, не вижу.

– это всё **Ab exterioribus ad interiora** – «от внешнего к внутреннему», а мы познаём Бога через мучения и поиск Его нашей душой. И ваши вопросы лишь подтверждение того, что святость вашей души заставляет вас искать истину. Бог есть истина, начало и конец.

– Да есть у нас, кто верит в Бога. Ха, ты посмотри, как они живут.

– Они верят **A casu ad casum** – от случая к случаю, а надо постоянно, ни на секунду не сомневаясь в Боге.

– Слушай, а ты всегда так говоришь, засыпая людей своей латынью?

– **Abeunt studia in mores** – «занятия налагают отпечаток на характер» и «действие переходит в привычку». Так это переводится, и я вынужден согласиться с этим. **Ad cogitandum et agendum homo natus est** – «для мысли и действия рожден человек», а не **Ad delectandum** – для удовольствия.

– **Ad hoste maligno libera nos, Domine** – «избави нас от лукавого, Боже».

– О, господин староста, и вы на латыни можете.

– Дураков старостами не ставят.

– Я уже понял.

Что я думаю. В деревне моей дармоедов нет. Как написано там у вас – кто не работает, тот не ест. С этим я полностью согласен. Сам ты не хрупкий. Несёшь людям свет, а подогреть его будешь в кузне. Кузнец у меня один остался, а без кузницы деревня не деревня. Поживёшь, поработаешь, а там поглядим. Согласен?

– **Ad interim?** – «в течение некоторого времени?». Что ж **Ad opus!** – за дело! к работе!

– Вот и ладушки.

Домишка ему достался, сравни с его же дачей в прежней жизни, только садового участка не было. Как сказал староста – поживём, увидим. На Венере, понял старец, застрял надолго, а, может, и навсегда. Как меня угораздило так вляпаться. – Думал он. – Я хоть живой остался, а тех парней, по видимости, вообще на куски разорвало. Интересно, а меня как? Как там – не знаю, а вот здесь – хорошо. Приятно и чувствовать, и ощущать себя здоровым. Интересно, что произошло – это промысел Божий или недогляд? Вообще-то, судя по моему самочувствию, на недогляд не похоже. Больше похоже на то, что ничего случайно не происходит, и любая случайность уже была заранее подготовлена. Хотелось бы надеяться. По-

тому что это будет значить, что всё под контролем. Аминь.

Провожая старца в его новые апартаменты, его предупредили, что помощником кузнеца был его девятилетний сын, рослый не по годам, и умерший недавно от болезни. То есть веселия и радостных тостов не жди. Сочувствую. Не дай Богу кому пережить своих детей. Мне жаль тех эгоистов, которые ради самих себя любимых отказываются от детей. Какое это счастье слышать слова – папулька пришёл! Или – здравствуй, дедушка. Какой это бальзам на сердце. Бедные люди. Хотя многие из них богатые финансово.

Как пенсионер и предполагал, кузнец оказался немногословен. С одной стороны ему это было «на руку» – меньше шансов залететь на мелочах при постоянных расспросах и разговорах не о чём. Но однажды, сидя невдалеке от наковальни, кузнец доводил «до ума» длинный кинжал.

– Борн, а ты веришь в Бога?– спросил старец его.

– А что?

– С одной стороны, можно сказать – ничего. Но для тебя это важно.

– Хм, как это?

– Ты знаешь, что Венеру заселили земляне?

– Кто ж этого не знает. И что толку?

– А толк в знаниях. Древние земляне обладали древними, ныне забытыми знаниями. И знание Бога – одно из них. Я тебе кое-что расскажу, что поможет тебе в своё время встретиться со своим сыном. Ты можешь мне не поверить. Про-

сто выслушай меня, а верить или нет – твоё дело. Я дам тебе надежду, цель, а идти к ней или нет – тебе решать. Как говорится в древних книгах, если умирает несовершеннолетний, т.е. маленький ребёнок, то его душу забирает на небо его ангел хранитель. Там его душа спит до судного дня, т.е. дня, когда души всех умерших будут разбужены для решения вопроса, кого в Рай, а кого – в ад. Я знаю, что в вашей деревни нет священника, и эти вопросы тебе не известны. Ты просто доверься и слушай. Я же денег за это не прошу. В тот день проснутся и души таких детей. И здесь начинается самое интересное, точнее, самое важное для этих детей. Если хотя бы один из родителей является Христианином, исповедует Иисуса Христа своим Отцом небесным и Господом, если уверовал в Господа и Имя Его святое, как написано в Библии, то спасётся он сам и вся его семья. Это я говорю о том, что, если твоя жена не была христианкой, то единственная надежда твоего сына только на тебя. Прислушайся к своей душе. Покайся за грехи свои и попроси Господа принять тебя сыном Своим. Душа твоя подскажет тебе. Уверуешь сам – спасёшься сам и сын твой. Насчёт жены, увы, не знаю. Но что сын спасётся – это точно. И, если мы воскреснем в несколько другом виде, уподобившись ангелам, то дети воскресают в том облики, как и умерли. На небе такие дети помещаются в специальные дома, где за ними ухаживают и заботятся не хуже, чем на земле. А родителям разрешают периодически их навещать.

– Сказки какие-то ты рассказываешь.

– Не сказки. Такое уже было, а у некоторых ещё будет. Если бы мне было от тебя что-нибудь нужно, то я мог бы тебя обмануть. Но ты знаешь, мне ничего не надо. Скоро я уйду, и ты останешься один. Я хотел познакомить тебя с Богом, который постоянно стучится в твою душу, а ты Его не пускаешь. Подумай.

Кузнец ничего не ответил, но, судя по участвовавшим ударам по наковальне, мои слова задели его «за живое». Беда многих из нас, что рядом с нами часто не оказывается того, кто мог бы подсказать, рассказать, объяснить. Нам приходится самостоятельно что-то придумывать и объяснять и не всегда наши ответы бывают верными. Не зря поэтому в Библии написано «вникай в себя и в учение», и всё сверяй с учениями предков. Хотя, как показывает мой опыт бесед, даже написанное люди не всегда могут осознать. Сколько споров было о других мирах, сколько я приводил ссылок из Библии, только в Псалмах об этом упоминается в двадцати восьми из них, и что толку? Не верят. Взять хотя бы знаменитый Псалом 103. Ведь и его, прежде чем включить в Библию, изменили. Его настоящее начало звучит:

Един Ты, Боже, и нет иного.

Тобою сотворены небеса и небеса небес,
и всё воинство. Ты хранишь их
и властвуешь над ними.

Сыновьями Божиими были созданы Вселенные.
Творец одевается светом, словно ризой,
простирает небеса, словно ткань.

Ещё тогда Давиду было дано откровение, что наша Вселенная не единственная в космосе, что наш Господь, Сын Единородный, но не единственный и даже не первый у своего Отца. И все Они и Отец – одно. Так написано в Библии. Вот если б только библейские тексты не корректировали в своё время в угоду идеи. А всё равно, надо стало – изменили день отдыха с субботы на воскресенье, чтобы привлечь в церковь огнепоклонников. В итоге – помогло, тысячи людей потихоньку стали верными христианами. А такая мелочь, как Псалом № 1 иудеи приписывают своему царю Давиду, а он, псалом, был написан задолго до его, Давида, рождения египетским фараоном Эхнатоном, как, собственно, Притчи №15,17, 22,23,24. И ничего – живём. Для Бога это, возможно, не главное. Для Бога главное – конечный результат, а как ты его достигнешь, через что пройдёшь – твои проблемы. Есть короткий путь – просто поверить, просто принять, принять то, что тебе это уже дано, дано даром, просто по любви Отца к своим детям. Но нам этого мало. Мы не можем поверить, что нам кто-то что-то дал даром. Поэтому мы прём напролом «сквозь тернии к звёздам», хотя рядом с нами проходит чудесная асфальтированная автострада, на которой нас ждёт комфортабельный автомобиль. Но такова

природа человека, токов уж путь нашей эволюции. Кому-то повезло с Планетой, и они теперь прилетают к нам на летающих тарелках. Кому-то повезло с Планетой и на нашей планете прошёл последнее, седьмое посвящение Сам Творец нашей вселенной, сам Господь, который Он и Отец – одно. Как написано в Библии.

Прошли сутки. Кузнец ковал железный наконечник для сохи, но вдруг остановился.

– Так ты говоришь, что Христос спасёт его?

– Не я это сказал. Есть книга, которую я называю Первоисточник, в ней написано. В одном из посланий к Тимофею написано: «Иисус Христос, который будет судить живых и мёртвых в явлении Его». То есть, в день ссудного дня. А ученик Христа, апостол Иоанн, вообще приводит слова самого Господа: «Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день». А в 12-й главе еще говорит: «Я говорю, как сказал Мне Отец». Во. Это слова самого Бога. Куда же ещё круче. Что может быть круче Бога?

– Да, если так сам Бог сказал, значит, так оно и есть.

– Молодец, что понимаешь. А ещё он сказал – идите и проповедуйте. Вот и ходят некоторые люди, проповедуют, как Господь заповедовал. Избрал Он меня. Не хватило мне мужества, честно скажу, бросить всё и идти, так Он помог мне. Теперь я, как перелётная птица, нет у меня гнезда постоянного, нет вещей.

– Тяжело вам – старцам. Но вы нужны людям. Вы даёте

людям надежду.

– Мало дать надежду. Надо дать людям веру. Только вера спасает. А надежда? То ли спасёт, то ли нет. Надейся тут. А вера отвечает однозначно – да. Веруй и спасёшься.

– Да я уже вчера помолился, как ты сказал. Если честно, ходил к одной, да ты её знаешь. Так мы на пару помолились. Сестра она мне родная. Не ожидал – даже поплакал. Даже в детстве не ревел, за слабость считал, а тут слёзы ручьём текут. Но с ними и облегчение пришло.

– Облегчение? Здорово. Значит, услышал тебя Господь и принял молитву твою, твоё покаяние. Значит, искренне молился, от души. Радуйся, отныне спасён ты, и, значит, и сын твой. Бог не изменен, в нём нет и тени на изменение. Так написано. Радуйся. Дальше живи, как жил. Старайся не грешить, жить по совести. Наша совесть – это Дух Святой, который покрывает нас. Если что-то не по совести, значит, не по Духу. Каждый свой поступок отдавай Богу и проси, чтобы Он Сам поступил тобою так, как угодно Ему. Не бойся, если ты добровольно выбрал этот путь, то Господь и ангел – хранитель твой поведут тебя дальше по жизни. И даже, если когда споткнёшься, не бойся, молись и Господь поднимет тебя. Только верь и молись. Но хочу предостеречь тебя от ошибки. В Луке 9:26 написано: «кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын человеческий постыдится, когда придёт во славе Своей и Отца». И это тоже слова Бога.

– Я уже понял.

– Поэтому будут спрашивать – отвечай, что на душе. В Библии ещё есть слова Господа, когда Он предупреждает, что не бойтесь тех, кто на жизнь вашу посягает, а бойтесь тех, кто на душу вашу охотится. Со смертью не всё кончается. Кончается мирская жизнь, но начинается вечная жизнь вечной души. А там здорово. Поверь мне.

– Правильно сказала мне сестра – ничего случайного не бывает. Сам Господь привёл тебя к нам. Ты уйдёшь, я встану на твоё место в деревне. Жаль, нет у меня твоей Библии. Расскажи мне о Боге.

После этого дня все дни были посвящены Богу.

В один из дней, когда старец прилежно помогал на кузне, вошёл староста.

– Бог в помощь вам, христиане.

– И вашему дому мира.

– Пришёл предупредить тебя, старец, завтра едешь с кузнецом и нашими мужиками в замок. Повезут оружие, что вы ковали, да еду барону. С ними и поедешь. Но до замка не доедешь, свернёшь раньше. Тебе покажут. Не ровен час, опять спалит тебя барон, как и твоего предшественника. Не хочу я этого. Пойдёшь в город, а дальше, как уж повезёт. Что случится – не будет на мне твоей крови. До рассвета выезжаете.

С этими словами он кивнул и вышел.

– Значит, судьба.

– Будем надеяться.

– Надеяться и верить.

Старец заплатил пошлину за вход и прошёл за крепостные ворота. За стеной кипела ярмарочная жизнь провинциального городишки. Война войною, а кушать хочется всегда. Ему подсказали более-менее сносный кабак, где и готовят хорошо и цены не кусаются.

Помещение было большое, но тёмное. Большие окна всё равно оставляли полумрак углов. Кабак есть кабак, это как свадьба – без браки не обходится. В его годы он уже не относил себя к любителям « помахаться », поэтому, оглядев зал, прошёл к столу у стены, чтобы покушать без приключений и эксцессов. Заказав мяса и пива, уселся на лавку. За столом уже сидели люди, но размеры стола позволяли сидеть, никого не напрягая.

– Да-а, а рвануло там, наверняка, не хуже 152-х миллиметрового снаряда. Если там были поражающие элементы, мало никому не показалось. Интересно, выжил тот дед или нет?

Старец прислушался к разговору за столом, пригляделся, и что-то знакомое стало проглядываться в этих двух деревенских парнях.

– Мне, кажется, он спасся.– Потихоньку сказал он.

Разговор прекратился. Парни посмотрели на него.

– Дед, голову подними. Дай посмотреть на тебя.

– Раньше надо было смотреть на меня. Глядишь, и не сидели бы тут в этой глуши на чужой планете.

– Так это ты, сукин сын! Живой!

– За такие слова можно и по морде. Но, судя по интона-

ции, это не оскорбление. Я надеюсь.

– Ё-моё. Конечно, нет. Я рад, что тебя не разорвало на куски.

– Ну, это ещё не факт. Особенно, учитывая то, что там я был инвалидом, а здесь, как новорожденный. Собственно, почему как? С днем рождения, мужики! Опять нет повода не выпить.

Много ли человеку для счастья надо? Встретить человека, которого и видел всего раз, да и то мельком, набегу (в буквальном смысле этого слова), и выпить с ним пару кружек хмельного кваса, как здесь называли одну из разновидностей пива. А потом просто поболтать за жизнь, немного посплетничать и, конечно, обсудить местных женщин. Нет, не осудить, а именно обсудить. Мужчины меня поймут.

– Надо же, – в очередной раз удивлялся Аркон, – на Земле нас размело в клочья для того, чтобы на Венере вместе пивка попить.

– Наверное, – ответил старец, – это относится к разряду переменных констант. Это как маятник. Качай его с разной силой, а он всё равно покачается из стороны в сторону и остановится. Или как стрелка компаса. Для неё нет ничего важнее, чем север. Так и мы. Кидай не кидай, город или деревня, а всё равно нам суждено было свидеться.

– Хороший тост. Предлагаю за это выпить.

– Да, за встречу, мы давно уже не пили, пара минут уже.

– Тогда почему посуда простаивает. – Чокнулись, выпили.

Дело не хитрое.

– Мужики, я так понял, никто к себе в деревню не возвращается. А где будем ночевать?

– Правильно. Возьмём выпить, закуску и продолжим в номере. Эй, официант, нам мяса с собой, хлеба, овощей немного и, самое главное, хорошую баклажку чего-нибудь покрепче.

Когда за ними хлопнула дверь, тот, которого они называли террористом, устало облокотился на стол и потихоньку выдохнул – пронесло. Меня тоже – ответило его подсознание и громко выпустило вонючий воздух из нижней ноздри.

На улице начиналось смеркаться. Первые сумерки пока робко накрывали город, собираясь по углам да закоулкам для массивированного вторжения, как только солнце скроется за крепостными воротами. Наверху, по крепостной стене от башни к башне лениво прогуливались часовые, равнодушно посматривая сверху и на эти приготовления, и на всю земную суету. А на земле народ суетился. Кричали продавцы, менялы, разносчики воды, ослы. Блеяли овцы и мычали коровы. На церковной площади собралась небольшая толпа, которую развлекал какой-то оратор.

– И что нам говорят? Абсолютный Бог. Всемогущий Бог. Ха! Нам говорят, что Бог триедин. Но вы же умные люди, все вы закончили школу, многие учились ещё где-то. Вы же понимаете, если одна, пускай огромная величина, имеет хоть какие-то ограничения, то она уже не абсолютна. Объединяя

три неабсолютные величины, вы не склеите одну абсолютную величину. Абсолютное может быть составлено только из абсолютных составляющих. Поэтому, как и учит нас наш лидер Люцифер, Всеобщий Бог, который есть Абсолютный Бог,— миф. Да, мы, как и наш лидер Люцифер, признаём, что Иисус Христос стал владыкой нашей вселенной. Ну и что толку! Где Он? В чём его польза для нас? В то же время Люцифер, вполне резонно и обоснованно утверждает, что Всеобщий Отец не существует, что физическая гравитация и пространственная энергия неотъемлемы от самой вселенной и что Отец является мифом, придуманным Райскими Сынами, чтобы править вселенными от имени Отца. Он отрицает, что личность есть дар Всеобщего Отца. Поклонение Богу есть невежество, навязываемое нам, чтобы подчинить себе. Весь план поклонения есть хитроумная махинация, направленная на возвеличение тех, кого мы никогда не видели. Мы готовы признать Христа своим Создателем-отцом, но не своим Богом и законным правителем. Бог нам не помогает. Мы сами создали то, что имеем. Как написано в древних книгах, в нашей вселенной Небадон уже происходили два восстания, это было в отдаленных созвездиях. По убеждению Люцифера, эти мятежи провалились из-за того, что большинство разумных существ не последовали за своими вождями. Он утверждал, что «власть за большинством» и что «разум непогрешим». И об этом мы убеждаемся на себя. Не какая-то религия развивает нас, а только наши зна-

ния, технический прогресс помогают нам выжить в этом мире. Не Бог рассеял миллионы тонн камней на поверхности нашей атмосферы и сделал нашу планету пригодной для заселения, а наши предки – земляне. Мы требуем закрытия всех церквей, как бесполезное для общества, как будоражащее умы людей средство. А все, кто не хочет или не может здраво мыслить, пускай платит налог, но не в эти бесполезные церкви, а городу. Нам нужны средства для постройки нового здания высшей школы. Перестаньте содержать церкви. Делайте пожертвования на прогресс.

– Ишь ты, как завернул. Обожди, мужики, и я пару слов скажу, пока он окончательно не сбил с толку людей. Обождите меня.– Сказал старец, протискиваясь к импровизированной трибуне.

– Сограждане, люди, послушайте и меня немного. Прогресс, конечно, это хорошо. Кто спорит. Но, как я понял, не у всех хватает воображения осознать триединство Бога. Этот товарищ пытался понять Бога, который сотворил, как минимум, нашу вселенную, с помощью технического прогресса. Оратор отвергает могущество Бога, подменяя Его техническим прогрессом, а у самого на поясе висит кинжал, железо которого мягче гранита, из которого сделаны стены этой церкви. А церковь, как и всю природу, создал Бог. Я попробую вам объяснить триединство. Вон мальчишка – разносчик воды, наливает воду. Жидкую воду в глиняный стакан. Вам приходилось видеть на реке, как от поверхности воды

вверх поднимается туман? И это тоже вода. Но она в виде пара. Потом она падает с неба в виде капель, стекаясь в лужи, озёра. Зимой она – снег или град. И это одна и та же вода. Вы согласны со мною? Или кто-то будет утверждать, что существует вода жидкая, а в реке замерзает совсем другая вода? Нет. Здесь и дураку ясно. То есть одна и та же вода может быть жидкой, парообразной, снегом, градом, льдом. И это нам нормально. Или нет? Тогда почему для воды иметь и быть в пяти видах, оставаясь водой, нормально, а Бог, создавший всё, что мы видим, не способен на такое? Неужели Бог, создавший воду и сделавший её такой, не способен быть сам таким? Разве человек, ходящий по земле ногами, а пишущий только руками, не является одним великолепным созданием? Разве человек, далёкий от совершенства, имеющий ограниченные по способностям руки, ноги, глаза, нос не является царём животных? Тогда почему вы сомневаетесь в Боге, создавшем человека? Триединство – это нормально. Просто на земле мы очень часто подменяем один другого, выполняем то одну работу, то за кого-то. Абсолютный Бог всё это продумал миллиарды лет назад. Он создал себе столько помощников, сколько было нужно. Он распределил все работы, все обязанности между ними, чтобы Иохим делал свою работу, а Митрас – только свою. При этом, не беспокоясь, что Иохим не сделает порученное ему. На небе всё учтено и предусмотрено. А триединство, это как вода, которая везде и всюду, помогая, оберегая и спасая. А по пово-

ду Люцифера... . Во вселенной Небадон, владениях Христа Михаила, находятся десять тысяч систем обитаемых миров. За всю историю в тысячах этих систем и столице вселенной, только три Властелина Систем проявили неуважение к правлению Сына-Создателя. Три из десяти тысяч! Задумайтесь над этими цифрами. Как сказал оратор, вы же все учились в школе. Короче говоря, то, что Бог дал людям и ангелам, Люцифер собирался у них отнять, – а именно, божественную привилегию участия в создании своих собственных судеб и судьбы этой локальной системы обитаемых миров. Ни одно существо во всей вселенной не вправе лишать любое другое существо истинной свободы – права любить и быть любимым, привилегии поклонения Богу и служения своим братьям. *Ad hominem* – «применительно к человеку» и *Ad maiorem Dei gloriam* – «к вящей славе Божией». Аминь.

– Всё это чушь. Бездоказательная чушь.

– Я здесь *Ad narrandum, non ad probandum* – для рассказывания, а не для доказывания.

– Такие, как он, дурманят людям головы, замедляют прогресс!

– Интересно, и чем же? Я был в Москве. Там все учёные – христиане перед работой молятся и просят Бога благословить их работу.

– И что же не видно успехов этой работы?

– Вам не видно. Да и не всякая просьба может быть исполнена. Исполните просьбу несмышлёного малыша и дай-

те ему поиграть факелом. Уже через час сторит весь дом, а то и вся деревня. А это всего один малыш. А сколько у нас бестолковых, подобных такому малышу, особенно, если выпьют. Некоторым достаточно выпить кружку хмельного, чтобы ударить ближнего по морде, а если у него будет оружие, которого ни у кого больше нет? Пока человек не поймёт свою зависимость от природы, человеку опасны лишние знания. Знания нам даются пропорционально нашему осознанию, нашей духовности.

– Бред. Да, может быть, духовно мы продвигаемся и медленно, но и без этого мы построили все наши города.

– А если бы была духовность, может быть, мы бы ездили не на конях, а на самодвижущихся телегах?

– Это как?

– А вы спросите об этом московских христиан, которые работают над этим.

– Но разве это возможно?

– Верующему всё возможно. Так написано в Библии.

Оратор, видимо, был чистым материалистом и, возможно, честным, но заблуждающимся духовно, учёным. Вера и духовность только способствуют техническому прогрессу. Да и не только прогрессу. А во время войны? На войне нет не верующих. Во время авиа налёта или артоналёта даже ярые коммунисты молятся и просят о спасении. Спросите тех, кто через это прошёл. Война быстро приводит человека к Богу. Потому что в человеке изначально присутствует Дух Святой.

Оратор впал в лёгкий ступор, пытаясь осознать услышанное. Старец, используя ситуацию, быстренько соскользнул вниз и пробрался к товарищам.

– Что-то я увлёкся. Вижу – на меня смотрят технари и сжимают кулаки, а я не могу остановиться. На старость лет спорщиком стал. Пошли, пока мне по шее не надавали.

– Пускай рискнут.

– Не. Это не тот случай. Здесь надо просто исчезнуть. Пошли.

Хорошо, что они, в своё время, все послушались совета и пришли в тот кабак, чтобы нормально поесть. Найденный ими постоянный двор со своей столовой не тянул даже на зачуханный буфет. Матрацы, набитые позапрошлогодней соломой, больше давили на бока, чем помогали им расслабиться. Старец, привыкший в армии мотаться по командировкам, принял это мужественно и обречённо – привычно. Экс – бодиохранители, сопровождавшие, в основном, только VIP-персон, переносили это более мучительно. К хорошему быстро привыкаешь, а от плохого – отвыкаешь.

Но хорошая выпивка, хорошая закуска и хорошая беседа помогают справиться со многими трудностями. Они окончательно притомились и устали только перед рассветом. И в тот момент кирпичеподобные матрацы казались им пуховыми перинами. Пока не проснулись.

Утро началось, естественно, с головной боли и похмелья. Но в разумных пределах. В конце концов, ведь не упивать-

ся алкоголем их сюда занесло. Так сказал кто-то из них и остальные согласились. Слегка подкрепившись, они вышли на экскурсию по городу – людей посмотреть и себя показать. Здесь город мало чем отличался от средневекового Парижа – та же вонь, грязь и смрад обычного европейского города, в котором чистота и гигиена считались грехом и святотатством. Варвары, одним словом. Прохаживаясь по мощёным камнями улицам, они вышли на центральную площадь, на которой, как и в любой христианской стране, находилась и церковь – один из атрибутов светской власти. Высокое здание по стилю напоминало готику, но с характерной местной лепниной. Большие ворота могли выдержать непродолжительную осаду, о чём говорили многочисленные вмятины на её поверхности. Сквозь неплотно прикрытую створку они прошли вовнутрь. Слева и справа от центрального прохода располагались жесткие не крашенные деревянные скамейки, ещё больше показывая здешнее влияние католической церкви. Центральный проход был выложен розовой гранитной плиткой вплоть до уровня первого ряда, резко переходя потом в небесно-голубое прямоугольное поле, на котором невнятно о чём ораторствовал местный священник. Он был одет в белоснежные одежды, а на голове у него была шапка, больше напоминающая женские груди пятого размера. Ещё большее её сходство с ними вызывало наличие на вершинах этих выпуклостей каких-то пипочек золотистого цвета. Этаким ангелочек на белом облачке посреди небес обетованных.

Если честно, выглядело симпатично, оригинально и со смыслом, учитывая не особую развитость местного электората. Только притворив поплотнее дверь, они смогли расслышать проповедь.

– Все мы дети Христовы, поэтому должны смиренно нести своё бремя, стойко переносить тяготы, не жаловаться и терпеть, как терпел и Господь. А теперь давайте помолимся святому Иоргену, чтобы тот послал нам хороший урожай и сытную зиму.

После этого затянул монотонную молитву минут на пятнадцать. Старец и его товарищи к этому времени уже сидели почти в центре зала, поэтому встать среди молитвы и уйти было невозможно. Пришлось слушать это монотонное бляение двухсиськовой коровы.

– Идите по домам, дети мои.– Благословил на прощание проповедник.

Но старец, которому пришлось сидеть так долго на жесткой скамейке, был уже «на взводе». Резко поднявшись, он быстрым шагом пошёл к престолу.

– Одну минуточку, горожане. Как я понял, все мы читаем и пользуемся одной Библией. Я не утверждаю, что знаю её лучше всех, но всё же. Те, кто читал и знает Библию, помнят слова Иисуса Христа, которые звучат примерно так: если чего попросите Отца Моего во имя Моё, то сделаю. Это в Иоанна 14:13. А, в другом месте, в Иоанна 16:23 и 24 написано: О чём попросите Отца Моего во имя Моё, даст вам. До-

ныне вы ничего не просили во имя Моё, просите и получите, Я дам вам. Слышите!?! О чём попросите во имя Моё, Я дам вам. Ad maiorem Dei gloriam – к вящей славе Божией. Где написано в Библии, чтобы Господь рекомендовал молиться кому-либо ещё? Разве он заповедовал молиться какому-то дяде Иоргену или тётё Фиофиле? Нет! Он сказал: просите Меня! Кто из вас самый умный? Кто из вас святее нашего Господа, что навязываете нам то, чего господь не заповедовал! Заставляя молиться другим, но не Господу, как сказал сам Господь, вы нарушаете христианские устои. Вы уходите от Бога. А именно этого добивается дьявол! Поэтому, **Actum ut supra** – действуй, как указано свыше.

– Да кто ты такой!– Буквально провизжал местный толкователь Библии.

– Во истину написано в Матфее 19:11 «Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано». Отвечу тебе человек – я святой старец, имя которого тебе знать бесполезно. Я святой, потому что я крещён Духом Святым. Во мне Дух самого Господа нашего Иисуса Христа, которым Он покрыл нас в день Пятидесятницы. Так написано в деяниях Апостолов. Дух Святой покрывает меня. Дух Святой покрывает и всех присутствующих здесь. Так написано. Все мы братья в Духе. Так написано.

– В тебе вопиёт гордыня! Замолчи немедленно. Мы должны в кротости и смирении...

– Не должны! В Иоанна 10: 10 написано – Я принёс вам

жизнь и жизнь в избытке. Повторяю – в избытке! Ты учишь не тому, чему учил Господь. Ты учишь обратному, а именно этим занимается дьявол – извращает учение Христа, который есть наш Учитель и Господь.

Рыхлое, одутловатое лицо священника покраснело. Его маленький рот начал судорожно со свистом заглатывать воздух, в котором явно чувствовалось приближение инфаркта или инсульта. А смерть этого существа лишала старца всяких перспектив на дальнейшее спокойное пребывание в городе. Таких вещей не прощают. Если это были католики, то они, наверное, знали и о железных сапогах, и о стальной деде, и о банальной дыбе. И всё это, скорее всего, у них было. Старец, умудренный знанием истории человечества и собственным житейским опытом – проверять на себе это не хотел, поэтому просто повернулся и молча, быстро пошёл на выход. Как тот Паниковский с гусём, но, не прихрамывая и без гуся. Его товарищи прошмыгнули в дверь следом за ним.

– Ты, оказывается, скромный парень, святой старец. Молодец.

– Если скромность начала украшать, то она уже не скромность. Я просто озвучил людям то, что написано, а они не читали или читали не вдумываясь, не вникая в написанное. Собственно, и сам апостол Павел говорил – вникай в себя и в учение. Вникай, т.е. задумывайся над тем, что читаешь. Это же не художественная книжка, а, фактически, первоисточник мудрости.

– О как.

– Именно. И пошли побыстрее, а то дойдёт до барона, не миновать мне костра инквизиции.

– Судя по отзывам – не миновать.

– Слушай, святоша, а кем ты был в прошлой жизни? Ты семинарию что ли закончил?

– Какую семинарию?! Военное училище. У меня дома до сих пор партбилет где-то лежит.

– Но шпарил ты как Папа Римский.

– Не поверишь – сам удивляюсь.

– Пошли, мужики. Уходим из города. У нас, похоже, начинаются приключения.

– Приключения хороши только тогда, когда с них возвращаются.

Не исключено, что, возможно, для кого-то надо напомнить с чего всё началось. А именно: два бодигарда и военный пенсионер, в результате взрыва, устроенного террористом, были буквально распылены, и каким-то невероятным, необъяснимым для нас образом перенесены то ли в параллельную реальность, то ли в будущее, но в итоге оказались на столь знакомой нам планете Венера. Но Венере колонизированной людьми уже много – много лет назад. Причём настолько, что за многие поколения люди потеряли практически все знания, а мораль упала до средневекового уровня, у власти стояли бароны и правили они из своих крепостей.

После случайной встречи в кабаке, а куда ещё пойти рус-

скому, чтобы отдохнуть после тяжких трудов, и несдержанности пенсионера, который необдуманно раскритиковал одного местного католического попа (читай – инквизицию, о которой там, к сожалению, знали), им пришлось быстренько делать ноги, а ещё быстрее – ногами. Из знаменитого латинского изречения «поспешай медленно», они оставили только «поспешай». И правильно, ведь они все были бывшими военными и даже офицерами, а это значит, что их IQ был явно выше 100, т.е. явно превосходил этот показатель большинства американских президентов, для которых было нормальным назвать Австралию Австрией, или удивиться, почему в самолёте во время полёта не разрешают открыть форточку. Хотя и в России таких чудиков тоже хватало – и Ельцин далеко не единственный. О времена, о нравы. Как показал их житейский опыт, и в двадцать первом веке ничего не изменилось – та же коррупция во власти, безнаказанность, крышевание и продажность. Всё как всегда.

Здесь же таким же непостижимым образом оказался и сам террорист – неудачник, который узнал в том самом кабаке своих земных «свидетелей преступления», но разумно не обрадовался этому, а тихо просидел, скромно потупив взгляд. И какая же нормальная сволочь оставит такое без последствий. А то, что он был сволочью, у его нанимателей сомнений не было.

Бывшие телохранители Дима, по непривычности произношения для этих мест прозванный Митрасом, Аркадий, по

той же причине прозванный Аркон, и пенсионер, имени которого никто не знал, но он «косил под умного», иногда говоря умные речи народу и непонятно выражаясь по латыни, вынужденно путешествовали, всё дальше и дальше удаляясь от города Штапель.

– Ёшкин кот, – продолжал свою гневную речь Митрас, – в конце – концов, где самые элементарные права человека? Вот ты – старец, и говоришь умные вещи, скажи нам с Аркашей что-нибудь полезное на эту тему? Ты не только в костёле должен умные речи толкать!

– Ха, ну ты и загнул Диман. Слушай анекдот: вдова убитого депутата пришла в похоронное агентство и говорит

– Мне надо, чтобы на надгробной плите написали: «Здесь лежит честный депутат....», но её перебивают, говоря

– Гражданочка, мы двоих в одну могилу не хороним.

Ты понял? Если тебе начали говорить умное про таблетки или еду, значит, тебе впаривают какую-то туфту. Не требуй со старца невозможное. И вообще, не делай умное лицо – ты же офицер.

– Нет. – Не унимался Митрас.– Из-за какого-то маленького жирного клопа я уже больше суток не ел. Это нормально? Интересно, а у них есть Европейский суд по правам человека?

– У них есть инквизиция и ещё у баронов есть право первой брачной ночи.

– Понимаешь, Дима,– вмешался в разговор старец,– при-

рода не наделяет человека никакими правами. Всё, что у него есть – это жизнь, а также тот мир, в котором ее нужно прожить. Природа не наделяет даже правом на жизнь. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе вероятный исход встречи невооруженного человека с голодным тигром в первобытном лесу. Главное, что дало человеку общество – это безопасность. Когда права являются столь древними, что невозможно установить их происхождение, они часто называются *естественными правами*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.